

**Сергей Михайлович Степняк-
Кравчинский**

Россия под властью царей

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-3
ББК 84-4

Сергей Михайлович Степняк-Кравчинский

Россия под властью царей / Сергей Михайлович Степняк-Кравчинский – М.:
Книга по Требованию, 2011. – 260 с.

ISBN 978-5-4241-1965-1

"Россия под властью царей" написана 80 лет назад одним из самых удивительных, необыкновенных русских людей прошлого века - писателем и революционером С. М. Степняком-Кравчинским. Книга, продиктованная ненавистью к деспотизму и насилию, горячей любовью к народу, к свободе, по-прежнему волнует и не утратила своей обличительной силы и художественной свежести.

ISBN 978-5-4241-1965-1

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Степняк-Кравчинский Сергей
Михайлович
Россия под властью царей

Сергей Михайлович Степняк-Кравчинский
Россия под властью царей
Комментарии Н.М.Пирумовой, М.И.Перпер

В первый том Сочинений революционера и писателя С.М.Степняка-Кравчинского вошли два самых заметных из его произведений "Россия под властью царей" и "Подпольная Россия". В этих произведениях прослеживается история русского освободительного движения, истоки мировоззрения революционеров-народовольцев, а также отдельные судьбы революционеров 70-80-х годов прошлого столетия.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

Часть первая. Развитие самодержавия

Глава I. Мир

Глава II. Вече

Глава III. Русская республика

Глава IV. Пережитки самоуправления

Глава V. Становление деспотизма

Глава VI. Власть церкви

Глава VII. Русская теократия

Глава VIII. Великий реформа гор

Глава IX. Освобождение крестьян

Часть вторая. Зловещие места

Глава X. Ночной обыск

Глава XI. Полиция

Глава XII. Дом предварительного заключения

Глава XIII. Бедняжка Тридцать девять

Глава XIV. Царский суд

Глава XV. Дознание

Глава XVI. Политические процессы

Глава XVII. Военные трибуналы

Глава XVIII. После приговора

Глава XIX. Трубецкой бастион

Глава XX. Сибирь

Глава XXI. Круговая порука

Часть третья. Административная ссылка

Глава XXII. Невинновен - потому наказан

Глава XXIII. Жизнь в ссылке

Глава XXIV. Погубленное поколение

Часть четвертая. Поход против культуры

Глава XXV. Русские университеты

Глава XXVI. Среднее образование

Глава XXVII. Начальное образование

Глава XXVIII. Земство

Глава XXIX. Деспотизм и печать

Глава XXX. Печать при Александре II

Глава XXXI. Один пример из многих

Глава XXXII. Россия и Европа

Комментарии ПРЕДИСЛОВИЕ

Россия переживает кризис, имеющий огромное значение для социальной и политической жизни страны. За недолгий срок революционное движение поразительно выросло и все шире распространяется среди классов, бывших прежде главными столпами существующего строя. Сама жестокость реакции, трепещущей от страха перед карой, влечет ее к неизбежной гибели, и, как французский узурпатор 2 декабря, царское правительство, потерпев моральное банкротство, замышляет самое отчаянное из всех средств для восстановления утраченного авторитета - безумную, кровавую войну.

Растущее беспокойство масс, вылившееся в бунты и волнения в деревнях и промышленных центрах, а подчас в спровоцированные бессмысленные еврейские погромы, - будь то из протеста против тиранства помещиков, кровопийства заводчиков или гнета фабричных законов о труде, - эти факты невозможно отрицать и нельзя недооценивать их роль. Они показывают то, что каждый чувствует, если и не высказывает вслух: предстоит крутой перелом в нашей жизни. Россия стоит на пороге великих событий.

Было бы слишком опрометчиво попытаться предсказать характер этих событий или предугадать, какая участь уготовлена царской империи. Но в одном не может быть сомнений: в такой огромной стране, как Россия, с населением, составляющим треть населения всей Европы, революционные перемены не могут совершаться без их прямого или косвенного воздействия на другие страны цивилизованного мира.

Этим объясняется все растущий интерес, питаемый повсеместно к России и ее народу, а также к тем тайным силам, которые определяют ее судьбу и воплощают ее будущее.

Много ценного написано на эту тему в современной литературе иностранных писателями - французскими, английскими, немецкими. Но до сего времени европейская публика лишь очень редко слышала о воззрениях тех, кто, будучи особенно заинтересован в этом деле, разумеется, более всех осведомлен и потому должен высказать свое мнение, - самих русских.

Но русские писатели, среди которых много талантливых и образованных людей с честным именем, хранят молчание. Они не поднимают свой голос, чтобы рассказать правду о своей поработенной родине. Причину странной молчаливости нетрудно объяснить. Для подданного царя разоблачить перед всем миром беззакония его правительства так же опасно, как открыто броситься на царскую особу под носом у полиции. Не считая нескольких анонимных статей, едва ли имеющих большое значение, наши лучшие писатели еще ни разу не написали на иностранных языках о русской политике. Одна лишь правительственная партия и ее союзники имели возможность использовать гласность печати в своих интересах. Но вряд ли надо указывать, что их выступления отнюдь не рассчитаны на ознакомление общественного мнения с положением в нашей стране.

В этих условиях задача выступить от имени оппозиционной партии, то есть от имени всей просвещенной России, естественно, выпала на долю крайнего крыла оппозиции - революционеров-социалистов и эмигрантов из всех слоев русского общества, уже неоднократно пытавшихся привлечь внимание Европы. Теперь этот долг возложен на меня, "писателя-нигилиста" и "нигилиста-практи-

ка", как угодно было меня называть некоторым английским газетам, хотя единственное, что позволяет мне притязать на снисхождение британской публики, - это авторство книги о целях нигилизма и в защиту его - притязание далекое от того, чтобы служить оправданием моего скромного труда. Я охотно передал бы исполнение этого долга представителю не столь крайнего направления и не обвиняемому, как я, за чрезмерный пессимизм в оценке царского режима. Но такого писателя нет, и остается один выбор самому написать эту работу. И какие бы достоинства и недостатки ни были ей присущи, она, во всяком случае, написана беспристрастно.

Заранее зная, какие факты в книге, вероятно, будут восприняты с особенным недоверием, я, как непреложное правило, избегал преувеличений, стремясь сказать лучше слишком мало, чем слишком много. Это было нетрудно, ибо злодеяния царского правительства столь безмерны, что смягчать их так же бессмысленно, как вычерпывать кружкой беспредельный океан. Все же даже легкое преувеличение в незначительном вопросе может уменьшить ценность книги или даже свести на нет месяцы добросовестного, упорного труда. Однако я не намерен, да и не желаю показывать царский строй в лучшем свете, чем он того заслуживает. Нисколько. И хотя я не хочу "класть густых теней", но и не собираюсь "смягчать красок". Я рассказываю лишь голую, неприкрашенную правду, но это подлинная правда. Я подошел к выбору фактов с величайшей осторожностью, отбрасывая все, что казалось мне недостаточно обоснованным или не вполне достоверным.

Я не отягощал книгу ненужными справками и примечаниями. То, что я рассказал, возможно, ново для иностранцев, но русским и всем, кто знаком с русской литературой, это хорошо известно.

В моих исторических очерках я пользовался сочинениями наших известнейших историков - Костомарова, Соловьева, Сергеевича и Беляева, труды которых можно найти в любой русской библиотеке. Материалы, приведенные во втором томе, взяты из официальных источников, а также из сообщений, появившихся в подцензурной печати в ту пору, когда она пользовалась краткими промельками непривычной свободы.

Шесть глав второго тома публиковались в разное время самой влиятельной из английских газет, и я приношу благодарность "Таймсу" за проникновенные, сочувственные замечания к моим очеркам, а издателям - за любезное разрешение включить их в книгу. Остальные главы обоих томов появляются впервые.

В первой части книги я, разумеется, не мог особенно широко пользоваться официальными материалами или газетными сведениями. Подцензурная печать лишь изредка открыто сообщает о жестокостях, которым подвергаются политические заключенные, и о беззакониях властей, и то инсказательно, намеками. Главными источниками моей информации были превосходные издания женеvской типографии "Народной воли", столь же кропотливо собранные и правдивые, сколь и богатые фактами. Многие приведенные мной случаи почерпнуты из личного опыта или опыта друзей, которым они были так добры поделиться со мной. Я лишь литературно обработал их рассказы.

Несколько слов о форме книги. Она не совсем обычна и не строго дидактична, ибо я старался не только повествовать о событиях, но и описывать людей. Критики, возможно, скажут, что эта двоякая цель умаляет достоинства серьезно-

го труда. Они, может быть, и правы. Замечу лишь, что в этом отношении я прежде всего старался соблюдать умеренность и беспристрастие в суждениях.

После этих пояснений мне остается лишь выполнить еще один, и весьма приятный, долг - поблагодарить тех, кто оказал мне содействие в написании моей работы.

Находясь всего лишь недавно в Англии и поэтому не имея еще возможности свободно писать по-английски, я очень обязан мистеру Вильяму Вэстолу, горячему стороннику революционного движения в России и моему литературному сотруднику, за придание книге ее английской формы. Я сердечно благодарю его за точный и идиоматический перевод.

Я выражаю также горячую признательность некоторым моим соотечественникам: Петру Лавровичу Лаврову, которому я обязан за его благожелательное предисловие к книге "Подпольная Россия", в большой степени способствовавшее успеху моего первого труда; он был так добр, что предоставил в мое распоряжение свою богатую библиотеку для подготовки второй моей книги - "Россия под властью царей"; Исидору Гольдсмиту, бывшему редактору журналов "Знание" и "Слово". Николаю Цакни и Л.Н., проведшим долгие годы в изгнании, я обязан многими интереснейшими сведениями, использованными мной в соответствующих главах книги.

Но более всех я должен от души поблагодарить Михаила Петровича Драгоманова, бывшего профессора Киевского университета. Он, не щадя сил и времени, с самого начала моей кампании против русского деспотизма - ранее на страницах "Контемпорэри ревью", а затем в "Таймсе" - оказывал мне большую помощь и снабдил меня для настоящего сочинения многими ценными, подлинными документами, относящимися к полицейским гонениям в трех сатрапиях Южной России.

С. СТЕПНЯК

Лондон

7 апреля 1885 г.

Часть первая

РАЗВИТИЕ САМОДЕРЖАВИЯ

Глава I

МИР

О народе, как и о человеке, судят по внешности. Поэтому деспотизм, властвующий над русским народом, рассматривается, естественно, как выражение и следствие национального характера. Правда, в последние годы в России появились люди - мужчины и женщины, равных которым по силе патриотизма и любви к родине не бывало во все времена. Однако в кажущейся тщетности их усилий общественное мнение Европы видит только лишнее доказательство неизменной рабской покорности народных масс, в одинаковой мере не способных понять свободолобивые устремления и не желающих участвовать в освободительном движении.

Факты невозможно отрицать. Крестьянство, составляющее огромную часть русского народа, все еще проникнуто преданностью идеальному царю порождению собственной фантазии - и все еще верит, что близок час, когда он изгонит помещиков из страны и раздаст их земли своим верным крестьянам.

Но если мы, не ограничиваясь этими чисто внешними обстоятельствами,

глубже и серьезнее исследуем характер и жизнь простого народа, нас поразят многие его черты, как будто резко противоречащие общепринятым представлениям о его рабологии и приниженности.

В стране, где все зависит от воли самодержца, можно было бы ожидать, что низшие царские чиновники в порученной им ограниченной сфере деятельности наделены всей полнотой власти. Но в России дело обстоит иначе. Крестьянство деспотического государства - и в этом есть некое странное противоречие - пользуется, если не считать злоупотреблений властью, почти столь же широким самоуправлением, как сельские общины в Швейцарии или Норвегии. Сельская сходка, куда собираются все мужчины, уже вышедшие из-под отцовской власти, решает все дела, и эти решения не подлежат обжалованию. Со времени освобождения крестьян в 1861 году правительство произвело некоторые изменения в порядке сельского самоуправления. Создан, например, особый сельский суд в составе десяти судей, избранных на сходке, в то время как прежде по закону только мир, или народное собрание, вершил суд. Правительство попыталось также прибрать к рукам мир и урезать его права, усилив власть старосты и признав правомочными лишь созданные им собрания; избрание же старосты должно утверждаться мировым посредником, назначенным правительством и местным дворянством. Однако в первоначальном своем виде, то есть в тех местах, где власти были недостаточно сильны, чтобы ограничивать права мира, общинная автономия не претерпела никакого ущемления.

Мир в Центральной России (в Южной России - громада) представляет крестьянскую концепцию верховной власти. Мир охраняет благоденствие всей общины и вправе требовать от каждого ее члена безоговорочного повиновения. Мир может быть создан самым бедным членом общины в любое время и в любом месте в пределах села. Общинные власти должны уважительно отнестись к созову сходки, и, если они нерадивы в исполнении своих обязанностей, мир может без предупреждения отрешить их от должности, а то и навсегда лишить всех полномочий.

Сходки сельской общины, подобно собраниям "ландесгейнде" в средневековых швейцарских кантонах, проводятся под открытым небом перед домом старосты, деревенским кабаком или в другом подходящем месте.

Что больше всего поражает тех, кто впервые присутствует на такой сходке, - это царящий там, как кажется, полнейший беспорядок. Председателя нет; обсуждение являет собой сцену совершенного ералаша. После того как член общины, созвавший собрание, объяснил побудившие его к этому причины, все наперебой спешат высказать свое мнение, и некоторое время словесное состязание уподобляется всеобщей свалке в кулачном бою.

Слово принадлежит тому, кто сумел привлечь к себе слушателей. Если он угодит им, крикунов быстро заставят замолчать. Если же он не говорит ничего дельного, никто не обращает на него внимания и его прерывает первый же противник. Но когда обсуждается жгучий вопрос и атмосфера на сходке накаляется, все говорят разом и никто никого не слушает. Тогда миряне разбиваются на группы, и в каждой из них вопрос обсуждается отдельно. Все выкрикивают свои доводы во всю глотку; вопли и брань, оскорбления и насмешки сыплются со всех сторон, и поднимается невообразимый гам, при котором, казалось бы, никакого толку не получится.

Однако кажущийся хаос не имеет никакого значения. Это необходимое средство к достижению определенной цели. На наших сельских собраниях голоование неведомо; разногласия никогда не разрешаются большинством голосов. Всякий вопрос должен быть улажен единодушно. Поэтому общий разговор, как и групповые споры, продолжается до тех пор, пока не вносится предложение, примиряющее все стороны и получающее одобрение всего мира. Несомненно также, что полное единодушие может быть достигнуто лишь после тщательного разбора и всестороннего обсуждения предмета спора. И для того чтобы устранить возражения, существенно важно столкнуть тех, кто защищает противоположные мнения, и побудить их решить свои несогласия в единоборстве.

Описанный мной способ разрешения споров чрезвычайно характерен для русской сходки. Мир не навязывает меньшинству решений, с которыми оно не может согласиться. Каждый должен идти на уступки ради общего блага, ради спокойствия и благополучия общины. Большинство слишком благородно, чтобы воспользоваться своим численным превосходством. Мир не господин, а любящий отец, одинаково благодетельный ко всем своим сынам. Именно этим свойством сельского самоуправления в России объясняется высокое чувство человечности, составляющее столь замечательную особенность наших деревенских нравов: взаимная помощь в полевых работах, содействие беднякам, больным, сиротам и вызывающее восхищение всех, кто наблюдал сельскую жизнь в нашей стране. Этому же надо приписать безграничную преданность русских крестьян своему миру. "Что мир порядил, то бог рассудил" - гласит народная пословица. Существует много других подобных же пословиц, как, например: "Мир один бог рассудит", "Кто больше мира будет?", "С миром не поспоришь", "Где у мира рука, там моя голова", "Хоть на заде, да в том же стаде; отстал - сиротою стал". Обязательным правом мира и при господствующем в стране строе одним из удивительных его свойств является полная свобода слова и споров на деревенских сходках. Обязательным, ибо как можно было бы решать дела и вершить суд, если бы члены общины не высказывали свободно своего мнения, а, опасаясь обидеть Ивана или Петра, прибегали к криводушию и лжи? Когда суровое нелицеприятие и правдивая речь становятся правилами жизни и освящаются традицией, от них не отступятся и тогда, когда на обсуждение будет поставлен вопрос, выходящий за рамки крестьянских будней. Наблюдатели нашей сельской жизни единодушны в своем утверждении, что, в то время как в городах слова, означающие "неуважение к властям предержавшим", даже в частной беседе произносятся шепотом и слушают с дрожью, на деревенских сходках люди говорят открыто, критикуют те установления, которыми горожанам дозволено лишь восхищаться, невозмутимо осуждают самых высокопоставленных лиц правящей олигархии, смело ставят острый вопрос о земле и нередко порицают даже священную особу императора, от чего у чинного горожанина волосы стали бы дыбом.

Однако неверно было бы заключить, что такая вольность языка обнаруживает непокорный нрав, бунтарский дух. Это скорее укоренившаяся привычка, порожденная вековым обычаем. Крестьяне не подозревают, что, высказывая свое мнение, они являются нарушителями закона. Они не представляют себе, чтобы слова, взгляды, как бы их ни выразили, могли рассматриваться как преступление. Известны случаи, когда староста, получив по почте революционные листовки,

по простоте душевной читал их вслух на деревенской сходке как нечто важное и любопытное. Если в деревню явится революционер-пропагандист, его пригласят на сходку и попросят прочитать или рассказать то, что он найдет интересным и поучительным для общины. Какой от этого может быть вред? А если история получает огласку, то крестьяне необычайно изумлены, услышав от жандармов, будто они совершили тяжкий проступок. Столь велико их неведение, что они верят, будто свобода слова это право, данное каждому разумному существу!

Таковы главные черты нашего сельского самоуправления. Нет ничего более удивительного, чем контраст между установлениями для сельчан и учреждениями, призванными блюсти жизнь высших слоев общества. Первые являются по существу демократическими и республиканскими; последние зиждутся на имперском деспотизме и строжайших принципах бюрократической власти.

Неизбежным результатом этого несоответствия, столь бесспорного и поразительного, существующего уже веками, явилось одно важнейшее обстоятельство - резко выявившаяся тенденция русского народа держаться подальше от государственной власти. Таково одно из самых разительных его свойств. С одной стороны, селянин видел перед собой свой мир, олицетворение справедливости и братской любви, с другой - официальную Россию, представленную чиновниками и царем, его судьями, жандармами, министрами, на всем протяжении нашей истории воплощение алчности, продажности и насилия. В этих условиях нетрудно сделать выбор. "Лучше виноватым стоять перед миром, чем невинным перед судьей", - говорит нынешний крестьянин. А его предки говорили: "Живи, живи, ребята, пока Москва не проведала".

Русские люди издревле остерегались общаться с чиновничьей Россией. Она сословия никогда не смешивались, и именно поэтому политическая эволюция поколений так мало повлияла на нравы миллионов трудового люда. Не будет преувеличением сказать, что жизнь всей массы народа и жизнь его высших классов лилась двумя близкими, но раздельными потоками. Простой народ живет в своих крошечных республиках, как улитка в раковине. Для него официальная Россия - чиновники, солдаты и полицейские - орда чужеземных захватчиков, время от времени засылающая на село своих холопов, чтобы взимать с него дань деньгами и кровью - подати для царской казны и новобранцев для армии. Однако в силу удивительной незакономерности - одного из тех странных контрастов, которыми, как сказал один знаменитый географ, полна земля русская, - эти самобытные республики, пользующиеся столь широкой общественной и личной свободой, одновременно представляют собой надежнейший оплот, крепчайшие устои деспотического режима.

Позволительно спросить, по какой прихоти судьбы или капризу истории произошла эта вопиющая аномалия? Каким образом учреждения, находящиеся в столь кричащем противоречии со всем нашим политическим строем, как эти крестьянские парламенты могут процветать под властью деспотического монарха?

Но эта аномалия лишь кажущаяся; мы не стоим ни перед загадкой истории, ни перед случайным стечением маловажных обстоятельств. Я придаю столь великое значение нашей системе народного самоуправления, ибо убежден, что форма, которую она принимает, и идеи, на которых основывается, гораздо более соответствуют политическим устремлениям русского народа, чем самодержавие

и централизованная форма существующего режима. Если и есть нечто незаконное в нашем государственном устройстве, нечто навязанное народу внешними и случайными явлениями, то это сама деспотия.

Глава II

ВЕЧЕ

С древнейших времен русской истории обширная страна, ныне называемая Россией, была разделена на отдельные княжества, различные по размерам своих владений, со стольным городом и несколькими большими и меньшими пригородами и селами. Однако князья в этих землях не обладали верховной властью. Князь был блюстителем земли по уговору, а всей законодательной и исполнительной властью было облечено народное вече.

На вечевой сход собирались свободные граждане без различия имущества и звания, и князь был всего лишь на службе у народа и подчинялся его воле. По заведенному обычаю князья из поколения в поколение избирались из одного воинственного княжеского рода, и все они вели имя от Рюрика, легендарного основателя Русского государства. Однако право наследования не было возведено в непреложный закон. Вече такого права не признавало, и, когда местный князь оказывался населению не по нраву, оно призывало на стол другого, более подходящего, правителя. Князь был подвластен народу, а не властителем его, идея подвластности народа возникла лишь столетия спустя. Все же народ редко пользовался своим правом. В русской истории известны лишь немногие случаи изгнания местного князя и замены его чужеземным предводителем; и только однажды, когда народ Галицкой земли решил свергнуть князя, в княжеское звание был возведен простой боярин. Между тем обычай избирать правителей из одного рода вовсе не означал ограничения свободы выборов. Княжеский род так сильно размножился, пускал столько боковых ветвей в различных русских землях, что подходящие кандидаты всегда находились в избытке.

Некоторые историки так называемой московской школы из чистой любви к монархическим принципам утверждают, будто они открыли происхождение самовластия в якобы существовавших у князей Древней Руси законах преемства и правах первородства. Но более глубокие и беспристрастные исследования новой школы показывают, что таких законов не было и такие права не признавались; отношения между правящим князем и народом в каждом случае устанавливались вечем. Разумеется, ближайший родич правителя имел наибольшие возможности показать себя в выгодном свете. В Древней Руси, как у всех патриархальных народов, старость внушала всеобщее уважение, и, если князь умирал или его изгоняли, преемником обычно избирался его старший брат, являвшийся чаще всего и главой рода или той его ветви, которой народу угодно было оказать эту честь. Но допустим, что брат не пользовался любовью народа, тогда его обходили и выбор падал на сына последнего князя. Или опять-таки если народ желал, то оба они, и племянник и дядя, вытеснялись князем, чье родство с владетельной княжеской линией было столь отдаленным, что его почти уже невозможно было проследить. Ибо родословная сама по себе ничего не стоила в этом деле, и древняя история России дает множество свидетельств тому, что единственное непреложное право устанавливать преемство принадлежало вечу.

Призвание князя было только первым шагом к его избранию. Затем следовало подписание соглашения - ряда - между городом и новым правителем. Обе